

83.3(2=411.2)6-8

4-49

КР1518121

✓ КР

Анастасия Чернова
Долина детства

Лирика Николая Рубцова:
национальные образы и
символы вечности.

АНАСТАСИЯ ЧЕРНОВА

ДОЛИНА ДЕТСТВА

**ЛИРИКА НИКОЛАЯ РУБЦОВА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И
СИМВОЛЫ ВЕЧНОСТИ**

Но моя родимая земля
надо мной удерживает власть.
Память возвращается, как птица,
в то гнездо, в котором родилась.

И вокруг долины той любимой,
Полной света вечных звёзд Руси,
жизнь моя вращается незримо,
как Земля вокруг своей оси!

Николай Рубцов.
«Долина детства»,
9 июля 1962

ББК 83.3 (2 Рос-4Вол) 6 - 8,4 Рубцов
= 411,2

Ч 49

Ч 49 **Чернова А.Е.**

Долина детства. Лирика Николая Рубцова:
национальные образы и символы вечности. - Москва:
АНО "Бирюзовый дом", 2018 - 94 с. ISBN 978-5-9901796-
7-7

В книге дана оригинальная концепция творчества великого русского поэта Николая Рубцова, прослеживаются взаимосвязи с художественным поиском других писателей, а также с произведениями устного народного творчества. Опираясь на обширный материал, автор выявляет особенности национальной картины мира, ее самобытные постоянные образы. Книга выпускается в рамках проекта АНО «Бирюзовый дом» «Толшма – долина детства».

ББК 83.3 (2 Рос- 4Вол) 6

ISBN 978-5-9901796-7-7

©Чернова А.Е., 2018

©АНО «Бирюзовый дом», 2018

Чернова Анастасия Евгеньевна

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького и аспирантуру.

Рассказы, повести, статьи о литературе и публицистика А. Черновой опубликованы во многих столичных и областных изданиях:

«Москва», «Наш современник», «Роман-газета», «Подъем» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Православная беседа», «Традиционная культура», «Русская речь», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Православная Москва» и др.

В 2012 году вышла в свет книга прозы "Самолет пролетел", а в 2014 году – диссертационное исследование, посвященное творчеству великого русского поэта Николая Рубцова «Этнопоэтические константы в лирике Николая Рубцова».

Проза и литературоведческие работы А. Черновой удостоены многих Международных и Российских литературных премий, в том числе Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ "В поисках правды и справедливости" (2016), XIV Артиады народов России за оригинальные литературоведческие статьи и рассказы последних лет (2017), VIII Международного Славянского литературного форума "Золотой витязь" (2017) за исследование «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции».

Участвует в научных экспедициях по изучению устного народного творчества, побывала в разных областях нашей страны: в Пешехонье, Рязанской, Самарской и Вологодской областях. В 2017 году приняла участие в экспедиции АНО «Бирюзовый дом» «Толшма – долина детства».

Организатор и ведущая литературно-музыкальных вечеров, посвященных творчеству Н. Рубцова.

Кандидат филологических наук. Член Союз писателей России. Живёт в Москве.

Анастасия Чернова

Долина детства

Лирика Николая Рубцова:
национальные образы
и символы вечности

Оглавление

Вступление	5
«Зачем нам старина!»	11
О чем шумят сосны и реки	18
Эстетика пейзажа: открытие Пушкина	27
По холмам, среди лесов	30
Куда летят журавли	41
Как найти святое место	48
В ночной тьме, за окном	58
Где живет добрый Филя	71
Что происходит в горнице	78
Послесловие	87
Список литературы	88

ВСТУПЛЕНИЕ

«Долина детства»... У каждого она своя, далекая и одновременно близкая. Заполняя глубины души, она являет себя в стихотворных образах, определяет творческий и жизненный путь художника. Важно все: и конкретное место, где прошли детские годы, и просторы, среди которых жили предки. Ведь каждая судьба определяется не только конкретными реалиями, с которыми довелось соприкоснуться, но и невидимым «гулом веков». Родовым гнездом Николая Рубцова является село Биряково. Здесь жили его предки, черносошные крестьяне. Детство же поэта прошло в селе Никольское. Свою духовную родину, долину реки Толшмы, он исходил вдоль и поперек: когда работал паром, он шел пешком 25 километров до Николы по Нижней Толшме, а когда паром был недоступен, то проходил такой же путь от Гремячего – по Верхней Толшме. Здесь зарождались многие стихотворения, в том числе – те, что вошли потом в книгу «Звезда полей». Простые и одновременно таинственные, словно окутанные прозрачной дымкой, художественные образы. Сквозь обычное и повседневное поэт проникает в вечный, запредельный мир. А еще: в его поэзии мы слышим голоса русских людей, издавна живущих на вологодской земле. В этой книге мы расскажем об истоках творчества Николая Рубцова, особенностях его мировосприятия, духовных основах его поэзии, о богатстве созданных им художественных образов.

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в селе Емецк (в настоящее время – Холмогорский район Архангельской области). С 1937 года семья проживала в Няндоме, а в январе 1941 года переехала на постоянное жительство в Вологду. Отец поэта Михаил Андриянович Рубцов работал в сельпо, мать Александра Михайловна, украдкой от мужа (тот был партийным), пела в церковном хоре. Николай был пятым ребенком, всего в семье было шестеро детей. Дома нередко звучали народные песни: отец играл на гармошке, мать и дочери пели.

Коле было всего шесть лет, когда он остался совершенно один. В стихотворении «Детство» описано его состояние, оставшееся на всю жизнь тяжелым воспоминанием:

Мать умерла.

Отец ушел на фронт.

Соседка злая

Не дает проходу.

Я смутно помню

Утро похорон

И за окошком

Скучную природу [Рубцов, 2006. С. 390].

Не лишено биографических фактов и стихотворение «Аленький цветок» о мальчишке, который тайком от своих родных выращивает в саду красный цветочек, чтобы подарить его болящей маме и утешить ее. Но мама умерла, и мальчик символ своей любви и надежды – аленький цветок – несет за ее гробом.

Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, - вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, нехстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок [С. 142].

Осенью 1942 года Колю определяют в Красковский детский дом, а по достижении семилетнего возраста, когда надо было уже идти в школу, его переводят в детский дом села Никольское Тотемского района Вологодской области. Его братья и сестра оказались в других городах и селах. Дети были разлучены, и семья распалась. Бесприютность и скитания Николай Рубцов будет испытывать всю жизнь. Первое собственное жилье, однокомнатную квартиру в Вологде, ему дадут в 1969-ом, за три года до трагической гибели. До этого были Тотьма (учеба в Тотемском лесотехническом техникуме в 1950-1952 гг.), Архангельск (два года работал кочегаром в траловом флоте треста «Севрыба»), Ленинград, армейская служба на Северном флоте (с 1955 по 1959 гг.), снова Ленинград (работа на Кировском заводе). Рубцову не надо было ходить в народ, изучать его быт и характер. Он сам представитель этого народа. Вместе со своими сверстниками он прошел и через военные испытания, и через тяготы мирного времени.

С 1962 года начинается новый жизненный и творческий этап в судьбе Рубцова: учеба в Москве, в Литературном институте им. М. Горького. В это же время появляется и его первая книга. Это поэтический сборник «Волны и скалы» (1962). Его издал в количестве шести экземпляров ленинградский поэт Борис Тайгин. Постепенно появляются и другие, уже солидные, типографские издания: «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970).

Люди, которые общались с Рубцовым, в первую очередь отмечают его доброту и скромность, умение видеть удивительную красоту даже в простых пейзажах. «У меня сложилось впечатление, – писала М.А.Данилова, – что Рубцов – городской человек, как будто первый раз приехал в деревню. Так восторгался природой! Говорил ласково: "Рябинка, березка...". Когда мы шли по берегу Колпи, его глаза как будто были распахнуты и светились, он восхи-

щался берегом, рекой, травой и т.д. Одет был очень скромно» [Данилова, 2009. С. 188].

В.И. Романишниковой он также запомнился как «простой, добрый, бесхитростный, хороший человек. Одет был скромно, худенько, пальтишко старое. Очень душевный был человек. Было бы у него что, так сразу отдал бы, наверное...» [Романишникова, 2009. С. 191].

О характере и условиях жизни Н.Рубцова свидетельствует история, которую рассказывал выпускник Литературного института поэт Сергей Локтюхов. Как-то раз Николай Рубцов в тяжелой жизненной ситуации решил обратиться за помощью к успешному поэту Евгению Евтушенко: «Рубцову срочно понадобились деньги, и он доверительно сообщил мне об этом: Попрошу у коллеги трешку. Да что трешку! Такой пятерку даст не задумываясь» [Локтюхов, 2009. С. 163]. И Рубцов отправился в парк, где проходила встреча Евтушенко с читателями. «Евтушенко читал, как всегда, превосходно. Сгрудившиеся вокруг маститого поэта рабочие и интеллигенты каждое прочитанное им стихотворение встречали одобрительным гулом. Но вот Евгений Александрович, высокий, стройный, в темном костюме и белоснежной водолазке кончил чтение и неторопливо зашлепал по осенним лужам к ожидавшему его красивому автомобилю. Великие поэты встретились – и через минуту разошлись в разные стороны. Евгений Александрович вызывающе громко хлопнул автомобильной дверцей и, картинно откинувшись на сиденье, закурил. А Николай Михайлович с потерянным видом, зябко пожимая плечами, уныло побрел к автобусной остановке» [Там же, с. 164].

Этот незамысловатый, на первый взгляд, случай из жизни показателен, он высвечивает принципиальное различие двух поэтов, помогает раскрыть человеческое, внутреннее «Я» каждого из них.

Николай Рубцов никогда не принадлежал избранному обществу, творческой элите, к нему не подошло бы определение «маститый» поэт. Несмотря на свою известность, которая с годами только возрастала, признание (его стихи читали по радио, а творческие вечера пользовались успехом), он был и оставался человеком из народа, наделенным живым фольклорным сознанием, а не искусственной образованностью и рафинированной книжностью.

Этические и духовные установки Николая Рубцова повлияли на его художественное творчество. Именно поэтому мы можем говорить о народных корнях его поэзии, естественном пребывании в стихии народного творчества и его органичном усвоении.

Мать вологодского поэта Александра Романова так рассказывает о своей встрече с Н.Рубцовым: «Ведь сроду его не видала, а только слыхала от тебя, и то, думаю, догадалась бы, что это он, хоть и не назвался. Стоял на крыльце такой бесприютный, а в спину ему снег-то так и вьет, так и вьет. Ну, скорей его в избу. Пальтишко-то, смотрю, продувное. <...> Глянула сбоку, а в глазах-то у него – скорби. И признался, что матушка его давно умерла, что он уже привык

скитаться по свету» [Романов, 2009. С. 241].

Постоянные странствия поэта определяются не только внешними обстоятельствами, будь то бытовая неустроенность, отсутствие жилья и прочие невзгоды, но и, что гораздо важнее, внутренними: состоянием души. По воспоминаниям современников, Рубцов «возникал в местах, где его не ждали, и срывался с мест, где его берегли. Вот эта противоречивость скитальческой души и носила его, вела по всей Руси» [Там же, с. 242].

Меняя временные квартиры и общежития, переезжая из города в село и обратно, поэт осваивает не бескрайние просторы Советского Союза, но идет именно «по всей Руси». Это слово имеет основополагающее значение для определения типа рубцовского пути и переводит сами скитания в небесное измерение вечности. Судьба поэта начинает напоминать жизнь фольклорного странника, исполнителя былин и духовных стихов – калики перехожего.

Скиталец «по всей Руси» отличается и от эмигранта, и от туриста, и от паломника, а «также всех тех, чей маршрут проложен из одной определенной точки в другую» [Смирнов, 2006. С. 239]. Дорога, по которой идет странник, исполнена высочайшего смысла. Размышляя над этим, философ и культуролог И.П.Смирнов писал: «Странничество отличается от всяческих путешествий (как в святые, так и в профанные места) тем, что не ведает конечной цели в социальном пространстве. Для странника незначимы любые земные границы, пересекаемые им, релевантен для него порог, отделяющий бытие от инобытия. Земные дороги направляют странника в некую духовную реальность. В своих скитаниях он стремится, так или иначе, сопережить Фаворское чудо...» [Там же].

В лирике Н.Рубцова ощущаются искания именно такого рода. Лишь в некоторых, редких стихотворениях (как правило, ранних), нагнетается тревожное ощущение конца и безысходности. Лирического героя в них обступает осенний мрак, сбивает с ног сильный ветер, он чувствует себя чужим и оставленным на этой земле «не для всех родной». В стихотворении «Да, умру я!», написанном в 1954 году, читаем:

Да, умру я!
И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!...

Может быть,
гробовщик толковый
смастерит мне хороший гроб...
А на что мне
хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!

Жалкий след мой
будет затоптан
башмаками других бродяг... [С. 42]

В других стихотворениях, которые стали самыми известными, создали узнаваемое «лицо» поэта, совершается уже таинство преображения мира и души. Лирический герой словно соприкасается с «Фаворским чудом» и прозревает красоту окружающего мира, его чистоту и святость. Таковы стихотворения «Ферапонтово», «Душа хранит», «В горнице».

Друзья Николая Рубцова вспоминают: «Было что-то неуловимо трагическое, нездешнее в облике Рубцова, в его жизни...» [Аринин, 2009. С.193]. Да и сам он в разговоре с Ладой Одинцовой утверждал: «настоящий поэт – это жертва. Если поэт благополучен, счастлив и сыт – значит, это стихоплет, каких всюду пруд пруди! Книги его истлеют вместе с ним» [Одинцова, 2009. С. 147].

Казалось бы, человеку, на чью долю выпало столько тяжелых испытаний, тревог и лишений, естественно сосредоточиться в своем творчестве на темных сторонах жизни, изображать различные трудности и скорби, как это было уже много раз в русской литературе.

У Рубцова трагичность жизненного и творческого пути не ведет к безысходности. Внешняя, бытовая неустроенность лишь оттеняет глубинную радость бытия, лишь обостряет восприятие красоты человека и мира. Духовные и художественные акценты поэт расставляет по-своему:

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, –

Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек [С. 390 – 391].

Поэтическая память избирательна: она запечатлела все, что ценно для Рубцова в мире. Художник Владимир Корбаков удивлялся: «Как мог щупленький человек, лишенный родительских забот и всех других благ, нужных для жизни, почти бомж без своего жилья, без стола, куда можно положить школьную тетрадь, авторучку или карандаш за две копейки, ежедневно сочинять стихи, много читать, мечтать и верить? <...> Почему, несмотря на все лишения, Н.Рубцов писал светлые, чистые стихи, никого не виня и не браня? Вот эта сторона личности поэта меня волнует и радует не меньше, чем его творчество» [Корбаков, 2007, С. 13].

Всматриваясь в глубину предметов, Рубцов улавливает их непреходящую сущность, он совершает своеобразный путь от внешнего к внутреннему: за видимой неустроенностью быта начинает проступать волшебная и вечная красота жизни.

Мировой литературе известен целый пласт текстов, в которых изображено путешествие человека в запредельный мир. Такой сюжет составляет основу «Божественной комедии» или, например, истории о сорокадневных мытарствах блаженной Феодоры. Герой переступает границу жизни и смерти, погружается в потусторонность, а затем возвращается обратно и подробно описывает свой таинственный опыт. Чудесные, непознаваемые свойства мироздания видимым образом раскрываются в ином царстве, за пределами земной жизни. Мироощущение странника, воплотившееся в его стихах и песнях, напротив, рождается в пути, в движении, которое внешне выглядит как бесцельное и не имеет конечного пункта. Странник, в отличие от путешественника или паломника, воссоздает сокровенное в самой душе человека. Внешние обстоятельства его привлекают в гораздо меньшей степени.

Н.Рубцов нередко сочиняет стихотворения именно в пути, не случайно его строки словно звучат голосами живых людей, дышат впечатлениями от недавних встреч, трепетным ощущением пути, тревог и краткого покоя. Таковы стихотворения «Тихая моя Родина», «Русский огонек», «На реке Сухоне», «Наслаждаясь ветром резким», «Прощальная песня», «На вокзале», «Осенняя песня», «Прекрасно небо голубое!..», «На Родину!», «Жар птица», «Неизвестный», «По дороге из дома».

Свои произведения он не столько читает, сколько «сказывает»: «А он стеснительно так подвинулся в красный угол, под иконы, обогрелся чаем да едой и стал сказывать мне стихотворения. Про детство свое, когда они ребятенками малыми осиротели и ехали по Сухоне в приют; про старушку, у которой ночевал, вот, поди-ко, как у меня, про молчаливого пастушка, про журавлей, про церкви наши христовые, поруганные бесами...» [Романов, 2009. С. 241]. Единичное событие из жизни обобщается до уровня вечных бытийных вопросов. Художественные образы оказываются близкими каждому человеку.

Подлинными художественными образами не могут возникнуть вне национальной традиции, из пустоты. Они кристаллизуются на основе более древних, постоянных мировоззренческих элементов исторической памяти. Эти образы повторяются как в национальной и мировой литературах, так и в творчестве отдельных писателей. Исследователи народного творчества (И.А.Голованов, Т.В.Зуева) эти образы называют этнопоэтическими константами.

В отличие от универсальных символов, которые пронизывают всю мировую культуру, этнопоэтические константы, вбирая постоянные традиционные элементы фольклорного сознания, фиксируют координаты одного определенного национального образа мира.

По справедливому определению Т.В.Зуевой, этнопоэтическая константа –

«наиболее объемный термин, охватывающий все стабильные признаки фольклора того или иного народа: типические образы, композицию произведений, словесные формулы и другие способы речевой стереотипии. Этнопоэтические константы возникли в фольклоре вследствие его традиционности, вследствие устойчиво сохраняемой на всех его уровнях типизации действительности» [Зуева, 2002. С. 83]. Исходя из вышеизложенного, выделим в этнопоэтической константе три уровня: духовный, или аксиологический, тематический и стилистический. На духовном уровне обнаруживают себя глубинные обобщения, образы, открывающие в окружающем мире вневременное, вечное. Тематический уровень вбирает в себя конкретные постоянные художественные образы. Стилистический – изобразительно-выразительные средства.

Пожалуй, самой устойчивой и ярко выраженной константой лирики Рубцова является константа образа Родины. Она проявляется как на аксиологическом, так и на тематическом уровне. При этом общая духовная устремленность и типические художественные образы представляют собой единое целое и создают образ родной земли.

Краткая биографическая канва жизни поэта свидетельствует о его близости к русскому народному миру. Скитальчество по свету (Архангельская и Мурманская области, Вологда, Тотьма, Алтай, Ленинград, Москва), соединенное с углубленным изучением литературы, позволило Рубцову проникнуть в глубины народного творчества разных регионов Руси и впитать особенности, рожденной в недрах народной жизни и литературной традиции.

«ЗАЧЕМ НАМ СТАРИНА!... »

Время творческой активности Николая Рубцова – середина 60-х годов XX века. Учеными и политиками советской эпохи это время воспринималось как начало нового исторического этапа в развитии села.

По утверждению официальных источников, деревня с каждым годом становилась все более богатой, а ее жители – все более обеспеченными и счастливыми. Возводились новые индустриальные комплексы, строились школы и больницы, ручной труд был почти полностью заменен машинным. Словом, по своему жизненному уровню село стремительно приближалось к городу. Весьма показательна в этом отношении статья Г. Радова «На новом этапе», в которой он анализирует современные социальные процессы и соотносит их с литературой. Улучшение внешних условий, технический прогресс, повышение уровня образования сельских жителей, по мнению автора, да и большинства публицистов того времени, положительно влияет и на культуру, определяет духовное развитие общества, фундаментальные нравственные ценности: «Сельский человек стал и грамотнее и самостоятельнее, а следовательно, и внутренне богаче и сложнее...» [Радов, 1972. С. 249].